Master Negative Storage Number

OCI00054.07

Kak zhivut kitaitsy

Moskva

1889

Reel: 54 Title: 7

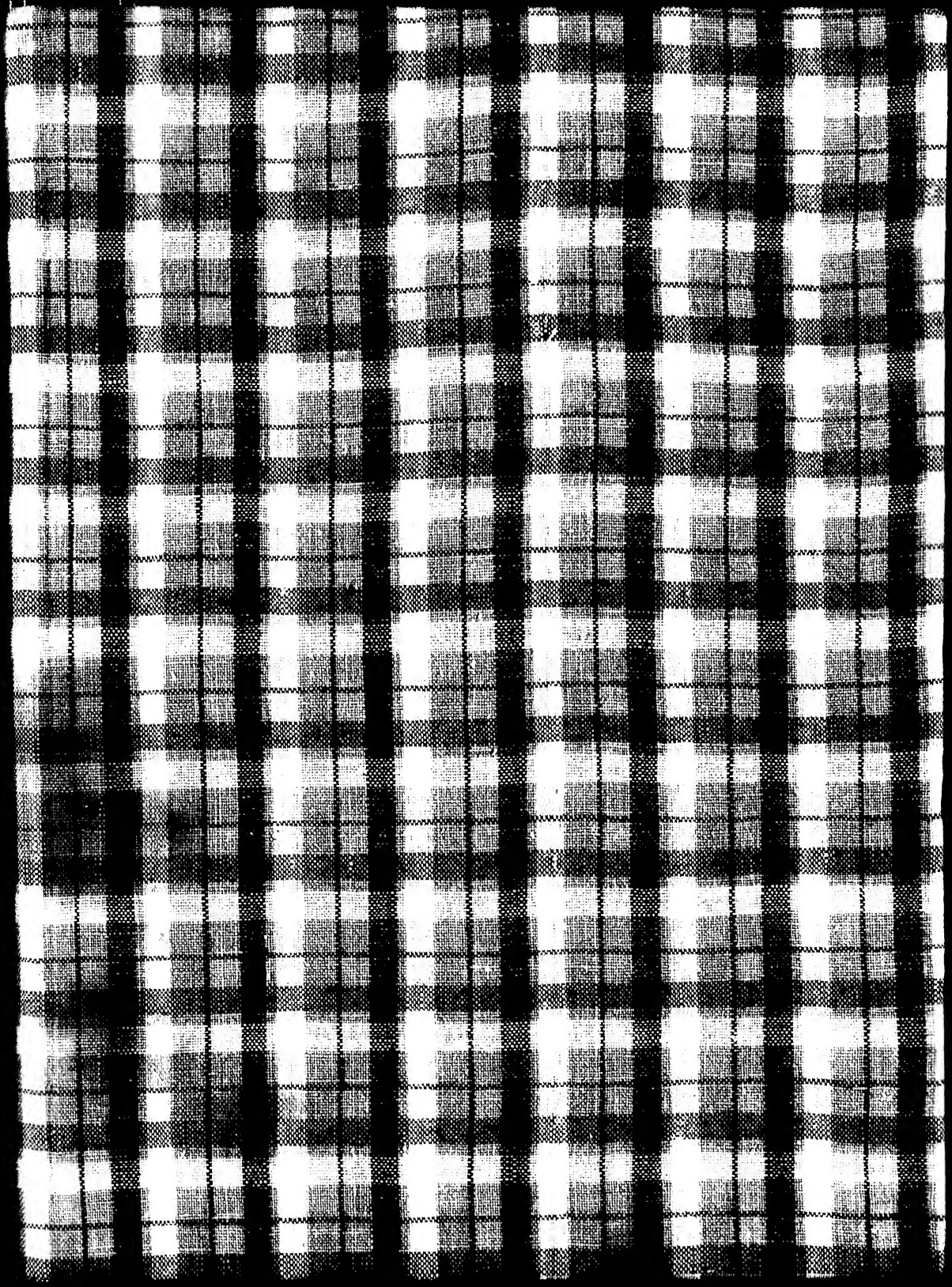
BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCI00054.07

Control Number: BGO-3704
OCLC Number : 25171410
Call Number : W 381.5917N Si53k
Title : Kak zhivut kitaitsy / sostavleno po knigie Simona, byvshago frantsuzskago konsula v Kitaie.
Imprint : Moskva : Tip. I.D. Sytina, 1889.
Format : 64 p. ; 17 cm.
Note : "No. 76."
Subject : Chapbooks, Russian.
Subject : China Social life and customs.
Added Entry : Simon.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 11/1/94
Camera Operator: AB



Какъ живутъ въ Китаѣ

Составлено по книгѣ СИМОНА,
бывшаго французскаго консула въ Кита

КАКЪ ЖИВУТЪ

КИТАЙЦЫ.

Составлено по книгѣ Симона, бывшаго французскаго консула въ Китаѣ.

№ 76.

МОСКВА.
Типографія И. Д. Сытина и К°., Пятницкая ул., соб. домъ.
1889.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 февраля 1889 г.

КАКЪ ЖИВУТЪ КИТАЙЦЫ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Китайская земля находится на границѣ съ Россіей, къ полудню отъ Сибири. Однимъ своимъ краемъ она упирается въ Великій океанъ, съ другого края ея находятся песчаныя пустыни Монгольскія, а съ полудня тянутся высочайшія Гималайскія горы, за которыми находится страна Индія.

Китайцы записали исторію своей жизни съ очень древнихъ временъ. За 3000 лѣтъ до Р. Х. Китай былъ уже отдѣльнымъ цѣлымъ государствомъ. Китайцы самый большой народъ на свѣтѣ. Ихъ 450 милліоновъ — чуть не вдвое больше, чѣмъ русскихъ, нѣмцевъ, французовъ, итальянцевъ, англичанъ вмѣстѣ. Китайцы самый мирный народъ на свѣтѣ.—Имъ чужого не нужно, и они не

любятъ воевать. Они говорятъ: «Если человѣкъ говоритъ, что онъ умѣетъ хорошо воевать, знай, что этотъ человѣкъ большой преступникъ». Ни французъ, ни русскій, ни нѣмецъ, ни турокъ не сможетъ такъ мало съѣсть и такъ много сработать, какъ китаецъ. И ни одинъ народъ на свѣтѣ не можетъ такъ обработать землю какъ китайцы. Гдѣ на десятинѣ прокормится одинъ русскій, два нѣмца, тамъ на той же десятинѣ прокормятся нѣсколько китайцевъ.

Китайцы стали теперь наѣзжать въ Америку, и американцы - работники не знаютъ какъ быть. Китайцы лучше, честнѣе работаютъ противъ ихъ, а берутъ меньше, такъ что сбили цѣны на всѣ работы. Одни американцы говорятъ: надо ихъ брать; другіе говорятъ: надо ихъ гнать. Думай, не думай, а работу забереть тотъ, кто лучше работаетъ.

Тотъ человѣкъ лучшій, кто другимъ зла не дѣлаетъ, меньше беретъ себѣ, а больше даетъ другимъ. Китайцы зла не дѣлаютъ, ни съ кѣмъ не воюютъ, и больше даютъ, чѣмъ берутъ. Стало, они лучше. А если они лучше, то полезно узнать, какъ они живутъ.

А между тѣмъ, о китайцахъ мы знаемъ меньше,

чѣмъ о всякомъ другомъ народѣ. Изрѣдка мы слышимъ о Китаѣ или отъ кое-какихъ путешественниковъ, или отъ монаховъ, проповѣдывавшихъ тамъ свою вѣру. Такія свѣдѣнія очень разнорѣчивы, не полны и, по большей части, не вѣрны, такъ что по нимъ не знаешь, что и думать о китайцахъ.

Въ послѣднее время стали печатать книжки людей толковыхъ и справедливыхъ, которые проживали въ Китаѣ 20—30 лѣтъ и присматривались къ жизни китайцевъ. Изъ этихъ книжекъ можно отчасти узнать, что за люди китайцы, и какъ они живутъ.

Французъ Симóнъ, прожившій въ Китаѣ много лѣтъ, написалъ объ этой странѣ цѣлую книгу. По этой книгѣ мы разскажемъ вкратцѣ то, что онъ тамъ видѣлъ и слышалъ хорошаго и поучительнаго для насъ.

I.

Первое знакомство съ китайскою семьею.

Въ двадцати верстахъ отъ города Фу-чеу, въ которомъ мнѣ пришлось одно время жить, находится село Уангъ-Мо-хи изъ 700—800 домовъ. Кругомъ мѣсто очень красивое и веселое и для жизни здоровое. Лѣтомъ тутъ гораздо прохладнѣе, чѣмъ въ городѣ Фу-чеу. Однажды весною, на время отпуска отъ своей службы, я поселился въ этомъ мѣстечкѣ.

Черезъ село проходитъ рѣчка Та-Шуей-Хи, по обѣимъ ея сторонамъ находятся дома торговцевъ и ремесленниковъ, домовъ 100—150. Остальные жители построились не улицами, а въ разбросъ отдѣльными хуторами, между которыми находятся поля, сады и огороды обывателей. Черезъ рѣку

перекинуто множество мостовъ, а по ней ходятъ небольшія суда и лодки для перевозки людей и товаровъ изъ тѣхъ мѣстъ, черезъ которыя протекаетъ рѣка.

Холмы въ этой мѣстности, почти до самой верхушки, обработаны и орошаются каналами, проведенными изъ рѣки Та-Шуей-Хи. Каналы эти идутъ по обѣимъ сторонамъ холмовъ, на одной трети ихъ высоты. Водоподъемныя машины съ черпаками подымаютъ изъ нихъ воду въ слѣдующій каналъ, который повыше; изъ него такимъ же порядкомъ вода подымается въ третій, четвертый и пятый каналы, а потомъ опускается обратно внизъ. Изъ этихъ каналовъ жители берутъ воду для поливки полей своихъ. Послѣ того, какъ созрѣетъ рисъ, который больше всего требуетъ воды, водоподъемныя машины перестаютъ работать, потому что для другихъ растеній достаточно и той воды, которая собирается въ нарочно для того устроенные водоемы отъ дождей и изъ горныхъ родниковъ. Поля расположены по холмамъ ступенями. На нижнихъ мѣстахъ сѣютъ рисъ, повыше посаженъ хлопчатникъ, далѣе апельсинныя деревья и чайныя поля.

Больше всего разводятъ здѣсь рисъ, чай, хлопокъ и апельсины. Кромѣ того, здѣсь растетъ много полезныхъ деревьевъ. Одно изъ нихъ—пальма съ громадными широкими листьями, раскинутыми опахаломъ высоко надъ землей, аршинъ на 6 или на 8. Изъ этой пальмы добываютъ волокно, которое служитъ китайцамъ вмѣсто пеньки. Другое дерево,—на видъ очень некрасивое, съ кривымъ стволомъ и вѣтвями, со ржавыми листьями, доставляетъ много сѣмянъ, изъ которыхъ выжимаютъ масло. Еще есть дерево, похожее на нашу березу или осину, изъ сѣмянъ котораго добываютъ растительное сало. Изъ тростниковъ здѣсь растетъ самый полезный изъ всѣхъ и самый красивый—бамбуковый тростникъ. Онъ тянется вверхъ прямымъ стволомъ, совсѣмъ безъ листьевъ, аршинъ 8—10, и только на верхушкѣ его находится нѣсколько перистыхъ листьевъ. Изъ нихъ жители строятъ себѣ жилища и надворныя постройки.

Въ этомъ прекрасномъ уголкѣ Китая живетъ мой пріятель Уангъ-Мингъ-Це. Я познакомился съ нимъ такъ: въ концѣ марта, по окончаніи перваго сбора чая, двое мужчинъ работали на чайномъ

полѣ—они пололи траву между кустовъ чая и обкладывали ихъ навозомъ. Я сидѣлъ недалеко отъ нихъ подъ пальмовымъ деревомъ и смотрѣлъ на ихъ работу; подъ этимъ же деревомъ они сложили свою одежду и здѣсь же стоялъ большой глиняный чайникъ, оплетенный соломой, изъ котораго они пили чайный настой.

Старшій изъ китайцевъ подошелъ къ этому чайнику и спросилъ меня:

— Не угодно ли вамъ, сударь, напиться?

— Нѣтъ, благодарю васъ! Я только что утолилъ жажду апельсиномъ и не хочу испортить его вкуса чаемъ.

— Помилуйте, почтенный господинъ,—чай не испортитъ собою вкуса апельсина. Этотъ чай не особенно хорошъ, но я угостилъ бы васъ другимъ. А-пе-а! А-пе-а!—крикнулъ онъ своему товарищу,—сбѣгай домой да принеси намъ сюда чаю нынѣшняго сбора!

Домъ былъ недалеко, и потому А-пе-а живо вернулся съ подносомъ, чашками и котелкомъ горячей воды на маленькой жаровнѣ. Когда вода закипѣла, мой новый знакомый открылъ ящичекъ, вынулъ оттуда нѣсколько листьевъ чая и поло-

жилъ по небольшой щепоткѣ въ каждую чашку. Потомъ онъ налилъ чашки кипяткомъ и покрылъ ихъ блюдечками.

— Чай еще не совсѣмъ высохъ,—сказалъ онъ.— Но отъ этого онъ еще вкуснѣе.

И правда — чай оказался превосходный: онъ былъ красиваго блѣдно-золотого цвѣта, совершенно прозрачный, душистый, какъ чайный цвѣтокъ, и очень нѣжный на вкусъ.

— А что, сударь, правду ли я сказалъ?—спросилъ меня китаецъ.

— Да, ваша правда! Апельсинъ никуда не годится противъ этого чая. Много ли вы его собираете?

— Нѣтъ, сударь! Его и нельзя много собрать, потому что онъ набирается изъ едва распустившихся листьевъ. Съ цѣлаго меу (пятнадцатая часть десятины) собирается не больше фунта.

— Да, это мало. Но зато вы вѣрно дорого его продаете?

— Нѣтъ, не особенно дорого. Торговцы платятъ намъ около 2 р. 50 к. за фунтъ. Зато этотъ первый сборъ приходится намъ какъ бы въ подарокъ, потому что онъ нисколько не вредитъ слѣ-

дующему сбору, съ котораго получается главный доходъ.

— А вы уже продали весь чай перваго сбора?

— Нѣтъ, сударь. Онъ еще не совсѣмъ готовъ. Вотъ черезъ нѣсколько дней онъ будетъ готовъ, и мы отправимъ его на рынокъ; немного оставляемъ и себѣ для угощенія добрыхъ пріятелей.

— Не продадите ли вы мнѣ фунтъ такого чая?

— Съ удовольствіемъ, сударь. На этихъ дняхъ вы можете его получить.

Такъ началось мое знакомство съ китайцами.

Черезъ нѣсколько дней новый пріятель мой пришелъ ко мнѣ вмѣстѣ съ старикомъ, на видъ лѣтъ семидесяти. Оба они были въ длинныхъ халатахъ изъ синей китайки, поверхъ которыхъ были накинуты шелковые плащи фіолетоваго цвѣта. На обоихъ были войлочныя шляпы съ загнутыми вверхъ полями. Мы поздоровались, усѣлись и начали разговоръ.

Оказалось, что старикъ—отецъ молодого и пришелъ вмѣстѣ съ сыномъ посѣтить меня. Разговоръ начался съ того, что они спросили о здоровьи моихъ родителей.

Китайцы очень почитаютъ своихъ отцовъ и дѣ-

довъ, а ихъ предки для нихъ тоже, что для насъ святые. Эти души предковъ—по ученію китайской вѣры—продолжаютъ жить и помогаютъ живущимъ ихъ потомкамъ—радуются радостямъ ихъ и печалятся вмѣстѣ съ ними объ ихъ несчастіяхъ. Китаецъ въ счастливыхъ, случаяхъ своей жизни обращается къ душамъ своихъ праотцевъ съ благодарностію, а въ несчастныхъ случаяхъ проситъ ихъ и помощи.

Каждый китаецъ знаетъ своихъ предковъ поколѣній за десять и болѣе. У нихъ ведутся особыя книги, гдѣ записана вся родословная ихъ, начиная съ перваго основателя семьи. Туда же записываются добрыя и злыя дѣла каждаго умершаго. По этимъ записямъ судятъ о человѣкѣ. Если дурныхъ дѣлъ будетъ больше, чѣмъ добрыхъ, то такого покойника исключаютъ изъ книги, и это считается величайшимъ наказаніемъ для китайца. По ихъ вѣрованіямъ, душа такого человѣка должна отдѣлиться отъ душъ родныхъ и будетъ вѣчно скитаться въ одиночествѣ.

Семья же для китайца—все. Ею держится весь строй китайской жизни. И потому кого изгоняютъ изъ семьи, хотя бы и послѣ смерти, тотъ счи-

тается проклятымъ. Нѣтъ большаго наказанія для китайца и потому они больше всего дорожатъ семейнымъ согласіемъ, почитаютъ своихъ родителей, уважаютъ братьевъ, сестеръ и родныхъ.

Вотъ почему мои гости и начали разговоръ съ вопроса о здоровьи моихъ родителей.

— Они умерли, господинъ Уангъ (такъ звали старика). Давно уже умерли,—отвѣчалъ я.

— Мы васъ очень жалѣемъ сударь. Оттого-то вы, вѣроятно, и бросили свою родину?

— Да, господинъ Уангъ. А вы счастливѣе ли меня: живы ли еще ваши родители?

— Отецъ мой умеръ три года тому назадъ, а мать еще не покинула меня. Ей уже 92 года, и, благодарю Небо, она совсѣмъ здорова.

— Большая у васъ семья, сударь?

— У меня четыре дочери. Три изъ нихъ старше По-и (онъ указалъ на своего сына), а четвертая моложе. Онѣ замужемъ и живутъ не въ нашемъ селѣ. Есть еще младшій сынъ, женатый. Онъ выдѣленъ и живетъ рядомъ съ нашимъ домомъ. Вотъ у По-и уже шестеро дѣтей.

Большая семья—благословеніе Неба у китайцевъ, и потому я поздравилъ ихъ обоихъ по этому поводу.

Слуга принесъ угощеніе, и мы долго толковали о моей родинѣ и о тѣхъ странахъ, въ которыхъ я побывалъ. Потомъ они попросили меня посѣтить ихъ завтра, распрощались и ушли.

На другой день я зашелъ къ нимъ и познакомился со всей семьей. Я уже хотѣлъ усѣсться, какъ вспомнилъ, что по обычаю ихъ не вѣжливо садиться безъ приглашенія старшихъ, а я еще не видалъ самаго старшаго члена ихъ семьи.

— Гдѣ же ваша бабушка?— спросилъ я у сына хозяина.— Не захворала ли она?

— Она здорова, только немного замѣшкалась. Да вотъ и она.

Въ это время въ комнату входила старушка. Ее велъ подъ руку младшій сынъ. Она совсѣмъ уже согнулась отъ старости и медленно шла, опираясь на палку. Я пошелъ къ ней навстрѣчу и сдѣлалъ ей самый почтительный поклонъ. Она по старости не могла уже нагибаться и только весело взглянула на меня. Сѣдые волосы старушки были украшены цвѣтами такъ же, какъ и волосы ея внучекъ. Она приняла меня очень степенно, но привѣтливо и пригласила меня садиться.

Я приказалъ моему слугѣ, чтобы онъ принесъ

ящикъ съ подарками, и началъ раздавать ихъ. Они радовались, какъ дѣти. Между подарками были нѣсколько картинъ съ изображеніемъ нашихъ городскихъ высокихъ, многоэтажныхъ домовъ. Мои новые друзья очень удивились на эти дома и не могли никакъ понять, зачѣмъ мы живемъ въ такой тѣснотѣ, что гнѣздимся другъ надъ другомъ и должны такъ высоко лазить. Во время нашего разговора открылись двери, и молодые люди принесли столъ, весь уставленный кушаньями. Это былъ цѣлый обѣдъ. Я недавно-позавтракалъ и отказался ѣсть. Хозяева стали меня такъ сильно упрашивать, что я уступилъ и сѣлъ за столъ. Женщины и дѣти ушли: у китайцевъ не принято, чтобы женщины ѣли за однимъ столомъ съ мужчинами.

Обѣдъ былъ простой, но хорошій. Въ немъ не было тѣхъ хитро-придуманныхъ блюдъ, которыя подаются у богачей. Это былъ крестьянскій праздничный обѣдъ. По серединѣ стола—рыба съ подливкой изъ очень наварной ухи. По обѣимъ сторонамъ были чашки съ рыбой, жареными утнами и цыплятами. По четыремъ угламъ стола разставлены мягкіе куски изъ баранины и свинины, раз-

рѣзанные на мелкіе кусочки. Были еще вкусная маринованная кушанье изъ бобовъ. По всему столу, между чашками, находились разныя соленыя и сладкія закуски. Китайцы ѣдятъ ихъ и передъ обѣдомъ и между кушаньями.

Передъ каждымъ изъ насъ поставлена была маленькая тарелочка и чашка, наполненная сушенымъ рисомъ вмѣсто хлѣба. Обѣдъ былъ очень хорошій, и всѣ были очень исправно. Послѣ обѣда подали вино и апельсины. Вино мнѣ не понравилось—это была рисовая водка, которую пьютъ горячей.

Къ вечеру я ушелъ домой, очень довольный своими новыми знакомыми.

II.

Семейная жизнь и любовь къ родинѣ.

Семья моихъ новыхъ знакомыхъ, Уангъ-Мингъ-Че, имѣетъ родословную которая заключаетъ въ себѣ записи о предкахъ ихъ, начиная за 800 лѣтъ тому назадъ. Главные случаи изъ этой книги

извѣстны всѣмъ членамъ семьи. Ихъ прочитываютъ вслухъ при большихъ семейныхъ праздникахъ. По этой книгѣ видно, что населеніе всего здѣшняго округа, Уангъ-Мо-хи, произошло отъ одной семьи, которая нѣкогда поселилась здѣсь.

Я разскажу вкратцѣ то, что я слышалъ объ этомъ.

За 800 лѣтъ до нашего времени, нѣкто, по имени Уангъ, пришелъ изъ страны Шу въ здѣшнюю долину. Мѣсто ему понравилось, и онъ поселился здѣсь. Повсюду была глушь и дичь, а явился человѣкъ, и все измѣнилось. Рѣку онъ назвалъ «Та-Шуей-Хи», что значитъ «великая вода долины», и расчистилъ русло ея такъ, что берега не стали заливаться. Рѣка стала его служительницей. Онъ выбралъ себѣ участокъ земли, обработалъ его и назвалъ своимъ именемъ. «Пусть это будетъ земля Уанговъ», — сказалъ онъ. Когда подросли его дочери, онъ выдалъ ихъ за молодыхъ парней изъ сосѣднихъ деревень, а когда и сыновья возмужали, онъ давалъ каждому изъ нихъ по участку земли и посылалъ ихъ свататься за сестеръ своихъ зятьевъ.

Такъ возникла семья Уанговъ, которая заселила

и обработывала всю долину. Теперь на участкѣ земли въ 1200 десятинъ живутъ около 10,000 душъ, которыя, почти всѣ, ведутъ свой родъ по мужской линіи отъ праотца ихъ Уанга.

Вся мѣстность оживлена народомъ и не знаешь, какъ назвать ее. Ее нельзя назвать ни деревней, ни городомъ. Здѣсь не та деревенская жизнь, какая у насъ: здѣсь нѣтъ большихъ необозримыхъ полей, нѣтъ нашихъ деревень, отдѣленныхъ другъ отъ друга большими безлюдными, необработанными мѣстами. Это и не городъ: здѣсь нѣтъ городского шума и безплодной суеты, нѣтъ городской роскоши, нѣтъ и городской нищеты.

Школъ здѣсь очень много: на каждые 15 домовъ приходится по школѣ. Много есть народныхъ читаленъ при храмахъ во имя ихъ великаго пророка Будды. Кромѣ того, многіе богатые китайцы имѣютъ свои читальни и предоставляютъ ихъ на общее пользованіе. Читальни эти помѣщаются въ особыхъ домахъ, выстроенныхъ въ память предковъ.

Кромѣ храмовъ въ честь Будды и въ память предковъ, въ каждомъ изъ десяти кварталовъ села Уанга-Мо-хи имѣется особое общественное зданіе.

Иностранцы называютъ его тоже храмомъ, но въ немъ не совершается никакого богослуженія. По-китайски оно называется пагода и служитъ для разныхъ цѣлъ. Три раза въ недѣлю, по утрамъ, собирается тамъ базаръ. Въ полдень и по вечерамъ туда приходятъ жители потолковать о своихъ дѣлахъ и тамъ же они справляютъ свои празднества, устраиваютъ духовныя торжества въ память замѣчательныхъ людей, а когда пріѣзжаютъ актеры,— пагода превращается въ театръ. Наконецъ, она служитъ постояльнымъ дворомъ для путниковъ, которые не хотятъ останавливаться въ гостинницахъ.

Этотъ маленькій уголокъ Китая можетъ служить образцомъ для того, чтобы составить себѣ понятіе о всѣхъ китайскихъ селеніяхъ и о жизни китайцевъ вообще.

Мой пріятель Уангъ-Мингъ-Це разсказалъ мнѣ, однажды, почти всю свою исторію. Она очень любопытна и назидательна.

— У моего дѣда,— говорилъ онъ,— было 14 человѣкъ дѣтей; пятый изъ нихъ былъ мой отецъ. Старшій и третій сыновья остались земледѣльцами, не покидали отеческаго крова и помогали родителямъ. Второй сынъ много учился для

того, чтобы попасть въ мандарины, т. е. въ генералы, или вообще въ важные чиновники, и дѣйствительно сдѣлался губернаторомъ одной изъ областей. Дѣдъ мой сначала былъ не богатъ: онъ обрабатывалъ всего только одну десятину земли — одна шестая часть десятины была его собственная, а остальную онъ нанималъ. Въ тѣ времена, 80—90 лѣтъ тому назадъ, еще не всѣ оросительные каналы были прорыты, и земледѣліе не было такъ доходно, какъ теперь. Когда дѣтей у него стало больше, онъ сталъ обучать мальчиковъ разнымъ ремесламъ, чтобы отпускать ихъ въ городъ на заработки. Первымъ отдали моего отца. Онъ захотѣлъ сдѣлаться плотникомъ, и дѣдъ 3 года платилъ за обученіе его этому ремеслу. Выучился онъ плотничеству и сталъ заработывать деньги. Заработывалъ онъ столько, что могъ кое-что и сберечь. Свои сбереженія отецъ приносилъ всегда домой, когда приходилъ на двухнедѣльныя семейныя собранія. Такъ же сдѣлали и съ тремя другими его братьями. Дѣду стало легче, и онъ прикупилъ себѣ еще земли. Хозяйство увеличилось, и какъ только находилось дома довольно дѣла, такъ сейчасъ дѣдъ вызывалъ изъ города своихъ сыновей.

Остался въ городѣ только одинъ младшій сынъ этого и теперь онъ одинъ изъ крупныхъ торговцевъ. Онъ бываетъ на нашихъ семейныхъ празднествахъ и скоро передастъ свои торговыя дѣла двумъ своимъ сыновьямъ, а самъ вернется къ намъ, сюда. Онъ купилъ здѣсь большой участокъ земли, на которомъ хозяйничаетъ его старшій сынъ. Вотъ этотъ храмъ построенъ на счетъ этого дяди, онъ же беретъ на себя половину расходовъ по содержанію одной изъ школъ нашего квартала. Всѣхъ своихъ дочерей дѣдъ мой повыдалъ замужъ, раздѣлилъ ихъ на сколько могъ, а сыновьямъ оставилъ каждому по клочку земли.

Съ этого и началъ мой отецъ хозяйство, которое теперь веду я.

— Я очень радъ, господинъ Уанъ, что вы такъ хорошо устроились, — сказалъ я. — Но, скажите, было бы если бы хозяйство ваше не удалось, если бы у васъ было меньше земли? Вы не могли бы прокормить всю вашу семью?

— Въ случаѣ крайней нужды, двое или трое изъ насъ ушли бы къ родственникамъ, которые помогли бы намъ арендовать тамъ землю.

— А если бы и это не удалось?

— Они бы пошли дальше куда-нибудь. Тотъ, кто работаетъ, всегда будетъ принятъ вездѣ. Развѣ у васъ на родинѣ не такъ же поступаютъ?

— У насъ не такъ много народу, какъ здѣсь, да и половина нашихъ земель занята еще лѣсами, пустырями и болотами.

— Вотъ какъ! Такъ зачѣмъ же вы постоянно воюете, вмѣсто того, чтобы овладѣть своею собственною землею, возвѣлывать ее и увеличить въ ней населеніе?

Я не отвѣчалъ на этотъ вопросъ. Мнѣ хотѣлось побольше узнать о жизни китайцевъ, а не самому разсказывать о темныхъ сторонахъ жизни моихъ соотечественниковъ. Я помолчалъ немного и, чтобы перемѣнить разговоръ, сказалъ:

— Благодарю васъ, господинъ Уангъ, за вашъ разсказъ. Но мнѣ хотѣлось еще спросить у васъ вотъ о чемъ: я слыхалъ, какъ-то говорили, что каждый, провинившійся у васъ въ чемъ-либо, прежде всего подвергается суду своей семьи, которая накладываетъ на него наказаніе. Неужели къ этому семейному суду обращаются и тѣ члены, которые выдѣлились изъ семьи и живутъ въ другихъ областяхъ?

— Конечно. Къ кому же они обратились бы? Никакъ уже не къ чиновникамъ. У насъ есть старинная пословица: «Мандарины и внѣшніе законы существуютъ не для честныхъ людей». Что было бы съ нами, если бы мы разбрелись кто куда, перестали бы уважать семью и предковъ и стали бы чуждаться другъ друга? Мы бы тогда погибли. Мы это понимаемъ и стараемся не покидать другъ друга, потому что чувствовать кругомъ себя поддержку очень важно. То же самое и съ землей. Ну, разошлись бы мы. Конечно, каждый найдетъ себѣ друзей и товарищей, но все это уже не то. Привыкать къ новому мѣсту очень трудно,—надо на новой землѣ и новые способы обработки, новыя привычки. А здѣсь намъ все легко, потому что уже нѣсколько вѣковъ, какъ все намъ извѣстно, здѣсь все уже приготовлено нашими предками: вода, которая течетъ по полямъ, проведена ими, деревья посажены ими, храмы, гробницы и даже сказки, которыя разсказываются маленькимъ,—все, все напоминаетъ намъ нашихъ предковъ. Здѣсь мы уже много вѣковъ у себя дома.

Долженъ признаться, что я только тутъ, слушая этого старика, понялъ въ первый разъ, что такое отечество, родина.

И въ самомъ дѣлѣ, тогда только люди будутъ дѣйствительно любить свою родину, когда будутъ стараться увеличивать поле добра и истины и уменьшать поле зла, безплодія и смерти. Пусть населеніе родной нашей земли умножится и оживетъ на столько, чтобы ни одно слово не могло затеряться подобно гласу, вопіющему въ пустынѣ. Пусть каждая глыба земли, обработанная человѣческими трудами, принесетъ хлѣбный колосъ. Пусть мы вспомнимъ, что даромъ пользуемся всѣмъ тѣмъ, что до насъ сдѣлали наши предки, и что мы должны своей неустанной работой помогать будущимъ людямъ такъ же, какъ намъ помогли люди, жившіе прежде насъ. А главное надо—любить другъ друга,—любить не на словахъ, а на дѣлѣ, и тогда у насъ будетъ родина.

Таковы были мои мысли послѣ бесѣды съ моимъ новымъ пріятелемъ. Я почувствовалъ близкую духовную связь съ этимъ китайскимъ крестьяниномъ—я какъ брата полюбилъ его, и мнѣ захотѣлось обнять его, какъ брата.

III.

Обычаи, законы и управленіе.

На другой день я опять зашелъ къ своему пріятелю. Онъ уже ждалъ меня и кричалъ мнѣ еще издалека.

— Идите сюда, идите скорѣе! Вы намъ какъ разъ нужны!

— Очень радъ вамъ услужить. Въ чемъ дѣло?

— Мы порѣшили выдать замужъ нашу внучку и ждемъ васъ, чтобы назначить день свадьбы.

— Ахъ, какъ жаль! Очень, очень благодарю васъ за эту честь, но я долженъ надняхъ возвратиться на свою службу, потому что мой отпускъ кончается.

Китаецъ и вся его семья опечалились; но дѣлать было нечего, хотя мнѣ самому хотѣлось попасть на свадьбу.

По этому поводу я хотѣлъ разговориться со старикомъ, и я спросилъ его, почему его внучкѣ стукнуло уже 17 лѣтъ, а она еще не замужемъ? Я зналъ, что молодыя дѣвушки въ Китаѣ

выходятъ замужъ очень рано, лѣтъ 15—16, и рѣдко засиживаются дома. Я спросилъ его объ этомъ.

— Правда, — надо было ихъ поженить уже 2 года тому назадъ, и мы и семья жениха собирались назначить и день свадьбы, да внучка моя вдругъ захворала. Оправилась она, — а у жениха умираетъ бабушка; пришлось опять отложить свадьбу. Вотъ только теперь ничего не мѣшаетъ, и моя внучка станетъ женою молодого Ку-Уангъ-Ше.

— Ну и слава Богу, — сказалъ я. — Вѣроятно и жениху съ невѣстой наскучило ожидать? Часто они видаются, по крайней мѣрѣ?

— Въ дѣтствѣ они видались, а теперь вотъ уже 10 лѣтъ, какъ они не встрѣчались.

— Какъ такъ? Женихъ, значитъ, и въ лицо не знаетъ своей невѣсты?

— Это бываетъ очень часто.

— Почему же это такъ? Объясните, пожалуйста.

— Иначе нельзя. У насъ не дозволяется сожительство безъ брака, и бракъ не дозволяется между близкими родственниками. Мы думаемъ, что супружеское счастіе зависитъ не отъ лица жениха и невѣсты, а отъ того, какого они поведенія, какъ

ихъ воспитывали. Мы стараемся пріучать дѣтей, чтобы они смотрѣли не на наружность человѣка, а на его душу. Бракъ дѣло очень важное, и мы для того не позволяемъ молодымъ людямъ видѣться, чтобы они не влюбились попусту между собою. Иначе, что сталось бы съ нашимъ закономъ о недозволеніи браковъ между родственниками? Да и тогда нельзя было бы и думать, чтобы молодые люди женились основательно: главное дѣло у нихъ будетъ тогда въ красотѣ тѣлесной. И все пошло бы вверхъ дномъ!

— Мнѣ кажется, что такія предосторожности чрезмѣрны, если вы такъ хорошо воспитываете дѣтей!

— Ахъ, добрый господинъ! Нельзя требовать отъ дѣтей невозможнаго. Мы ихъ женимъ очень рано; нельзя ждать, пока они сдѣлаются святыми или благоразумными; мы не ждемъ, пока они наберутся ума-разума, а женимъ ихъ, какъ только выйдутъ имъ лѣта. И родители лучше знаютъ поведеніе и нравъ молодыхъ людей, чѣмъ сами они. Если и случается, что родители изъ своихъ корыстныхъ видовъ женятъ дѣтей, не обращая вниманія на ихъ наклонности, такъ вѣдь это зави-

сить отъ ошибки этихъ родителей, а не отъ самаго способа женитьбы дѣтей. Эти случаи рѣдки. У насъ рабочій народъ всегда такъ женится. Поженившись, они начинаютъ любить своихъ женъ, которыя тоже привязываются къ своимъ мужьямъ; и, могу сказать, живутъ счастливо. У насъ совсѣмъ почти нѣтъ старыхъ дѣвъ и холостяковъ. Мы думаемъ, что если бы молодые люди женились по своему выбору, то несчастныхъ браковъ было бы гораздо больше, да и больше было бы старыхъ дѣвъ и старыхъ холостяковъ.

— Въ вашихъ словахъ, любезный Уангъ, много правды, — сказалъ я, — хотя есть все-что, съ чѣмъ я не совсѣмъ согласенъ. Но оставимъ это дѣло въ сторонѣ. Мнѣ бы хотѣлось послушать исторію о вашей семьѣ.

— Я разсказалъ вамъ, господинъ, въ прошлый разъ все про свою семью. Остается разсказать вамъ про себя. Сперва я хотѣлъ сдѣлаться чиновникомъ и два раза экзаменовался, но оба раза я потерпѣлъ неудачу, и, вмѣсто чиновника, сталъ земледѣльцемъ.

— Развѣ такъ трудно выдержать испытаніе на чиновника?

— Не легко. У насъ чиновниковъ не много, а потому и свободныхъ мѣстъ не много. Желающихъ же поступить на эти мѣста много, и не всякому удается достигнуть желаемаго. Кто не выдержитъ экзамена, тотъ остается земледѣльцемъ или дѣлается учителемъ въ школахъ. У насъ обученіемъ дѣтей завѣдуетъ самъ народъ.

— Неужели ваше правительство не занимается народнымъ образованіемъ? — спросилъ я.

— Нѣтъ, не занимается: это дѣло каждой семьи. А высшимъ образованіемъ занята Академія Наукъ, — заведеніе тоже не правительственное. Правительство только испытываетъ тѣхъ людей, которые хотятъ занять какую-нибудь должность, да и то оно экзаменуетъ ихъ черезъ академиковъ.

Мы стараемся, по возможности, устроивать всѣ наши дѣла сами, а не предоставлять ихъ другимъ, для которыхъ они будутъ чужими дѣлами. У насъ правительство не касается и торговли, — къ чему это намъ? Насъ, китайцевъ, очень много; значитъ мы благоденствуемъ, а если мы благоденствуемъ, то значитъ наша торговля и промышленность идутъ хорошо, а если онѣ идутъ хорошо, то незачѣмъ правительству вмѣшиваться.

Мы не взваливаемъ на правительство того, что сами можемъ сдѣлать, и потому платимъ правительству очень немного: наши подати не велики — всего 75 коп. или 1 рубль съ души въ годъ. Правительству нашему и не нужно много: войско наше небольшое и стоитъ намъ не дорого; торговля и образованіе въ нашихъ рукахъ; остаются суды и часть духовная, да и здѣсь мы стараемся дѣлать все сами, въ своей семьѣ. Каждая семья — говоримъ мы — должна быть маленькимъ государствомъ. Мы поставили себѣ за правило — *дѣлать какъ можно больше самимъ*. Наше правительство не ведетъ насъ на помочахъ, а оно идетъ вмѣстѣ съ нами. Оно объединяетъ всѣ наши семьи, оно представляетъ всѣхъ насъ.

— Я съ вами согласенъ, Уангъ, вполнѣ. Но кто же, въ такомъ случаѣ, издаетъ у васъ законы?

— Не забывайте, господинъ, что Китай — очень древнее государство, а стало быть, всѣ основные, главные законы давно уже пріобрѣтены нами житейскимъ опытомъ, и намъ незачѣмъ выдумывать новые законы. Правительство издаетъ только временныя постановленія. Но это уже не законы. Законъ — въ самомъ человѣкѣ. Надо только помо-

гать людямъ свободно выяснять этотъ внутренній законъ; тогда они будутъ лучше и лучше понимать его; не надо только препятствовать этому пониманію. Это первое дѣло. Второе — взаимная любовь людей другъ къ другу — безъ нея люди давно бы пропали. Третье дѣло — надо помнить, что всѣ люди дѣти одного Отца небеснаго, и потому всѣ люди равны передъ великой Правдой. Изъ этого возникаетъ справедливость въ отношеніяхъ другъ къ другу. Вотъ основы нашихъ законовъ, ихъ нельзя издавать и нельзя замѣнять никакими другими законами. На этихъ основахъ стоитъ наша семья и наше государство, которое и есть ничто иное, какъ большая семья. Если бы и можно было издавать законы противъ этихъ основъ, то это были бы противозаконія, а не законы, и мы бы не были обязаны ихъ выполнять. Такихъ постановленій наше правительство никогда и не издаетъ.

Если же новыя постановленія хороши и приносятъ благо всѣмъ, то мы всегда готовы исполнять ихъ. Вотъ какъ у насъ обыкновенно дѣлается это дѣло: положимъ, что какой-нибудь губернаторъ узнаетъ гдѣ-нибудь обычай, который, по его мнѣ-

нію, было бы полезно ввести по всѣмъ областямъ. Онъ дѣлаетъ правительству заявленіе объ этомъ. Правительство передаетъ это заявленіе Академіи Наукъ, которая черезъ своихъ учителей лучше всѣхъ знаетъ нравы, обычаи и нужды народа. Когда Академія одобритъ этотъ обычай, то правительство сообщаетъ его во всѣ области и предлагаетъ всѣмъ временно испытать его. Если этотъ обычай понравится народу, то онъ самъ собою и принимается народомъ, и тогда только онъ вносится въ книгу законовъ. Дѣлается же этотъ обычай установленнымъ закономъ только тогда, когда на престолъ вступитъ новый императоръ.

Если предлагаемый новый обычай не нравится народу, то никто его не исполняетъ, и онъ самъ собою отвергается, безъ всякихъ разговоровъ, какъ непригодный. Точно такъ поступаютъ со всякими новыми заявленіями и предложеніями, которыя имѣетъ право дѣлать всякій человѣкъ.

Я, конечно, былъ вполнѣ согласенъ со всѣмъ тѣмъ, что говорилъ мнѣ мой пріятель, но признаюсь, мнѣ трудно вѣрилось его словамъ. Я рѣшился провѣрить, такъ ли все это дѣлается на самомъ дѣлѣ.

Мы, европейцы, такъ гордимся своимъ образованіемъ, своею промышленностью, своимъ благоустройствомъ, что намъ какъ-то странно слышать и трудно признать, что Китайское государство благоустроеннѣе, чѣмъ наши Европейскія.—Мы, напротивъ, привыкли думать, что Китай есть какая-то полудикая страна! Но когда я пожилъ въ Китаѣ подольше и узналъ китайцевъ ближе, я увѣрился въ томъ, что пріятель мой Уангъ говорилъ сущую правду.

Разъ мнѣ случилось заѣхать въ одинъ большой уѣздный городъ. Какъ разъ въ это время пришла туда бумага отъ губернатора о назначеніи новаго уѣзднаго начальника. Народъ взволновался, потому что объ этомъ новомъ начальникѣ молва была очень дурная: всѣ знали его за нехорошаго человѣка. Собрался уѣздный совѣтъ и послалъ къ губернатору заявленіе, въ которомъ просилъ прислать другого начальника. Многіе обыватели также послали губернатору письма и заявленія, что новый начальникъ имъ не нравится. Губернаторъ почему то не обратилъ вниманія на эти просьбы, и вскорѣ пришло извѣстіе, что новый начальникъ уже ѣдетъ къ нимъ.

Жители города, по обычаю, разбили у городскихъ воротъ шатеръ и приготовили поздравительную закуску. Пріѣзжаетъ начальникъ, его встрѣчаютъ очень вѣжливо, приглашаютъ отдохнуть и закусить и вмѣстѣ съ тѣмъ заявляютъ ему, что онъ неугоденъ жителямъ, и что его въ городъ не пустятъ.

Дѣло уладилось къ обоюдному удовольствію, потому что губернаторъ послѣ этого не настаивалъ больше. Пусть не подумаютъ, что такъ поступили люди эти противозаконно. Нѣтъ, все, что они сдѣлали, было согласно съ ихъ законами и съ ученіемъ ихъ великаго учителя и пророка Конфуція, который далъ имъ, между прочимъ, и правило для отношеній между правительствомъ и народомъ.

Правительство въ Китаѣ не вмѣшивается и въ то, какую вѣру исповѣдуютъ люди, и потому между китайскими чиновниками, на всѣхъ должностяхъ, можно найти людей самыхъ различныхъ вѣроисповѣданій.

Я уже сказалъ, что и въ народное образованіе правительство также не вмѣшивается. Никому не препятствуютъ открывать школы, каждый можетъ учиться чему угодно или совсѣмъ не учиться.

Но въ Китаѣ рѣдко можно найти человѣка, который не зналъ бы грамотѣ. Все обученіе находится въ рукахъ самого народа, потому что каждый человѣкъ понимаетъ, что обученіе необходимо. И потому, какъ во дворцахъ царей, такъ и въ самыхъ послѣднихъ деревушкахъ нѣтъ такого мѣста, гдѣ бы не учились. Какъ только мальчику равняется 9-й годъ—будь онъ царскій, княжескій сынъ или простой мужикъ — онъ поступаетъ въ малое училище, и тамъ его учатъ сажать, поливать, окапывать, чистить; учатъ также, какъ отвѣчать учтиво тѣмъ, кто его спрашиваетъ; какъ входить здороваться; какъ принимать гостей и какъ провожать. Учатъ его, какъ ѣздить на лошади, какъ стрѣлять изъ лука, и, наконецъ, учатъ его читать, писать считать и рисовать.

Правительство также не вмѣшивается ни въ семейныя, ни въ общественныя дѣла: китайцы не извѣщаютъ властей и не спрашиваютъ разрѣшенія, когда хотятъ собрать сходку для обсужденія какого-нибудь дѣла или устроить товарищество.

Печатать книги въ Китаѣ можно какія угодно. Я собралъ много очень обличительныхъ книжекъ противъ богдыхана и мандариновъ за ихъ военныя

дѣйствіи и договоръ съ французами и англичанами, которому народъ не сочувствовалъ.

Чтобы заниматься торговлей или промысломъ не нужно никакихъ патентовъ и свидѣтельствъ.

А всего важнѣе то, что у китайцевъ—самосудъ. Право судить имѣетъ каждый семьянинъ, и правительство вмѣшивается въ судебныя дѣла только тогда, когда его о томъ попросятъ.

Довѣріе другъ къ другу и самопомощь въ высшей степени развиты у китайцевъ. Не разъ, во время моихъ разъѣздовъ по Китаю, я отказывался отъ денегъ, которыя мнѣ охотно давали взаймы безъ всякаго роста и росписокъ, просто на слово.

— Господинъ,—говорили китайцы,—вы живете уже давно вдали отъ вашей родины. Можетъ быть, вамъ нужны деньги—берите у насъ.

А я былъ для нихъ чужеземецъ. Конечно, они были довѣрчивы ко мнѣ только потому, что уже издавна они привыкли *довѣрять другъ другу*. Взаимное довѣріе вошло въ обычай въ Китаѣ до того, что чуть не каждый день образуются общества для выдачи ссудъ деньгами, по большей части безъ всякаго роста или съ самымъ маленькимъ

ростомъ, какой только нуженъ на расходы по веденію дѣлъ общества. Въ эти общества обращаются: и учащійся, у котораго не хватаетъ средствъ на продолженіе своего обученія, и крестьянинъ, который задумалъ прикупить корову, и мелкій торговецъ, открывающій лавочку, и мать семейства, выдающая замужъ дочь свою—всѣ, кто нуждается въ временной помощи.

IV.

Отношеніе къ земледѣльческому труду.

Основу вѣры китайцевъ можно отчасти понять изъ слѣдующихъ словъ ихъ учителя Конфуція:

«Не живите однѣми думами, а прилагайте ихъ къ дѣлу и живите такъ, чтобы и вамъ и всѣмъ было хорошо. Помните, что нельзя думать о Небѣ и забывать Вселенную, потому что Небо есть часть Вселенной. Вселенная же безконечна. Точно также нельзя думать о жизни, забывая самую жизнь, то-есть не стараясь выполнять свои думы на дѣлѣ.

Думы наши должны быть тѣсно связаны съ нашей жизнью. Земля помѣщается среди Неба, а рай на землѣ. Устроить этотъ рай зависитъ отъ самого человѣка. Заботьтесь о своей душѣ, уважайте людей, живите такъ, чтобы и прошедшее и будущее было для васъ какъ бы настоящимъ. Человѣческій родъ единъ: вы наслѣдовали вашимъ предкамъ—не забывайте ихъ. Вы дадите жизнь будущимъ людямъ, вашему потомству—помните о нихъ. Вы связаны съ землей, на которой живете, поэтому не отвращайтесь отъ нея, а трудитесь надъ нею, и не оставляйте ея не воздѣланной; разводите животныхъ и растенія, и, главное, разводите въ самихъ себѣ доброе, постоянно старайтесь улучшать и себя и свою жизнь».

Эти поучительныя слова такъ глубоко вошли въ плоть и кровь китайцевъ, что имѣютъ для нихъ больше значенія, чѣмъ всякіе гражданскіе законы.

Какъ высоко китайцы уважаютъ земледѣльческій трудъ, можно судить по ихъ «Празднику Земледѣлія».

Въ день весенняго равноденствія богдыханъ (императоръ) торжественно направляется въ храмъ земли. Тамъ, передъ алтаремъ онъ, окруженный

верховными совѣтниками и народомъ, подноситъ Небу пять сортовъ хлѣбныхъ зеренъ, которыя разводятъ во всемъ Китаѣ, и проситъ благословенія на эти зерна. Изъ храма императоръ идетъ въ поле,— тутъ же за оградой храма. Тамъ стоятъ волы, впряженные въ серебряный плугъ. Богдыханъ берется за него и пропахиваетъ пять бороздъ. Потомъ ему подаютъ пять сортовъ освященныхъ зеренъ, и онъ высѣваетъ ихъ по этимъ бороздамъ.

Посѣвъ зеренъ означаетъ *согласіе* между человѣкомъ, землею и Небомъ. Зерно означаетъ *возрожденіе*: черезъ зерно одно растеніе, умирая, возрождается снова въ точно такое же другое растеніе. Пять сортовъ зеренъ, разводимыхъ во всемъ Китаѣ, означаетъ *родство* всѣхъ жителей. Плугъ означаетъ *трудъ*, безъ котораго невозможно ни возрожденіе, ни единство.

Этотъ Праздникъ Земледѣлія считается самымъ важнымъ и самымъ торжественнымъ изъ всѣхъ. Кромѣ не гоесть еще три общественныхъ празднества.

Одно напоминаетъ собою о томъ, что люди получили даромъ отъ трудовъ прежде жившихъ людей. Это праздникъ воспоминанія объ усопшихъ. Въ этотъ день весь народъ и государь съ сано-

никами посѣщаютъ свои семейныя и общественныя кладбища.

Два другіе праздника во дни лѣтняго и зимняго солнцестоянія означаютъ испрашиваніе у Неба обилія плодовъ земныхъ и благодарность за урожай.

Въ сердцахъ китайцевъ существуетъ вѣра въ то, что люди всѣ происходятъ отъ одного начала и всѣ должны жить сообща. Куда вы ни пойдете, въ общественное ли зданіе или въ домъ пріятеля, всюду вы увидите множество надписей на лакированныхъ дощечкахъ въ такомъ родѣ:

«Никто не можетъ назвать себя счастливымъ, пока есть на свѣтѣ хоть одинъ несчастливецъ».

«Кто живетъ не трудясь тотъ заставляетъ ближняго своего умирать съ голоду».

Трудъ въ Китаѣ почитается больше всего другого:

— У насъ, — говорили мнѣ китайцы, — трудъ справедливый, легкій и пріятный. Вы, европейцы, стараетесь уменьшить трудъ разными машинами, и думаете, что вамъ удастся совсѣмъ уничтожить человѣческій трудъ; а мы считаемъ уничтоженіе труда самымъ святотатственнымъ дѣломъ.

И правда, — китайцы самый трудолюбивый народъ во всей землѣ. Каждый изъ нихъ знаетъ

нѣсколько ремеслъ, — и если ему не повезетъ въ одномъ, онъ берется за другое. Безработицы у нихъ почти не бываетъ.

У китайцевъ нѣтъ ни людей нетрудящихся, ни рабовъ, ни крѣпостныхъ людей.

Всѣ китайцы — рабочіе и при томъ такіе рабочіе, которые заняты однимъ и тѣмъ же дѣломъ: непрестаннымъ улучшеніемъ самихъ себя, земли и всего, что нужно для блага всѣхъ, или, какъ говорятъ китайцы: «дѣломъ непрерывнаго и возможно болѣе полнаго согласія человѣка, земли и Неба».

Китайцы не дѣлаютъ отличія между разными родами труда, они не признаютъ дѣленія труда на «благородный» трудъ и «неблагородный». Каменщикъ, земледѣлецъ, плотникъ и прочіе рабочіе и ремесленники уважаются на равнѣ съ врачемъ, художникомъ и т. д., и всѣ получаютъ одинаковую плату за свой трудъ.

Только учителя уважаются въ Китаѣ больше всего. Учитель, который выучилъ кого-нибудь грамотѣ, можетъ дѣлать выговоры своему ученику даже тогда, когда тотъ сдѣлается министромъ. Ученые въ Китаѣ суть посредники между наро-

домъ и правительствомъ. Они должны узнавать въ подробности всѣ нужды народа и хлопотать объ устраненіи ихъ. Они и въ самомъ дѣлѣ добросовѣстно дѣлаютъ это, и народъ ихъ любитъ, уважаетъ и довѣряетъ имъ.

Конфуцій говоритъ:

«Возвращайте землѣ то, что она дала вамъ. Тратить попусту остатки того, что вы отъ нея взяли—преступно. Не бросайте ихъ въ море, не вывозите вашу родную землю за границу, не забывайте, что земля для людей все равно, что тѣло для человѣка; соединитесь съ землей всѣмъ, какъ душа соединяется съ тѣломъ. Будьте справедливы къ земледѣльцу. Праздные люди не должны отнимать у него плоды его трудовъ и присвоивать себѣ то, что онъ получилъ отъ полей своихъ трудовымъ потомъ».

На этихъ словахъ Конфуція устроены въ Китаѣ налоги и пользованіе землею, и законы китайскіе ограждаютъ всякаго трудящагося человѣка. Крестьянинъ не гонится за городскими приманками и увольненіями; онѣ ему не нужны, потому что онъ за своимъ трудомъ, выбраннымъ имъ по своей охотѣ, и доходъ съ котораго никто не можетъ

опять у него, — получитъ удовольствія больше, чѣмъ въ городѣ. Каждый земледѣлецъ чувствуетъ, что онъ связанъ съ землей: онъ работаетъ, а земля его кормитъ; отъ этого онъ чувствуетъ, что онъ самъ себѣ господинъ въ своемъ пропитаніи. Онъ любитъ и землю и трудъ свой, и никогда не броситъ ихъ. И земля въ Китаѣ самая плодородная на свѣтѣ. Трудъ людей, работавшихъ надъ землей многіе вѣка, не пропадаетъ даромъ: онъ придаетъ цѣну землѣ, а не истощаетъ ея. Земля— сокровище, которое не поѣдается червями и не истребляется тлѣніемъ.

Всякій, желающій заняться земледѣліемъ, можетъ съ 20 — 25 рублями начать работать. Ему не нужно дорогихъ орудій — довольно одного заступа. Покупать удобреніе тоже не нужно—довольно собственныхъ ежедневныхъ отбросовъ. Нужно только съ любовью обработывать ее.

Заблуждаются люди, когда думаютъ, что можно замѣнить справедливость насиліемъ, обработку земли—хитростью и удобренія—разными земледѣльческими орудіями! У китайцевъ нѣтъ хитроумныхъ машинъ, но у нихъ есть любовь къ землѣ и къ труду. Плугъ у нихъ весь деревянный, лег-

гій, съ деревяннымъ отваломъ. Даже и рѣзакъ часто бываетъ изъ дерева. Въ рѣдкихъ только случаяхъ, когда на пашнѣ попадаются камни, къ плугу приспособляютъ желѣзныя части.

Китайцы не высасываютъ всѣ соки изъ земли. Они помнятъ, что земля—мать-кормилица. Все, взятое у земли, возвращается въ томъ или другомъ видѣ. Тщательнымъ уходомъ за землей китайцы добиваются отъ нея всего, что имъ нужно, и земля отплачиваетъ имъ гораздо большими урожаями, чѣмъ намъ.

Не наука заправляетъ земледѣліемъ въ Китаѣ, а нѣчто большее—это мудрость,—мудрость, накопленная вѣками: одинъ человѣкъ не можетъ выдумать ее—она есть плодъ разумѣнія всего народа въ теченіе многихъ вѣковъ.

— Если у васъ нѣтъ,—говорятъ китайцы,—благоразумія, предусмотрительности, трудолюбія, доброты и справедливости—не занимайтесь земледѣліемъ. Если у васъ нѣтъ семьи, или вы не установили въ своей семьѣ порядокъ, миръ, взаимное довѣріе и добросовѣстность—земледѣліе не пойдетъ у васъ успѣшно, несмотря на всю вашу науку и хитро придуманныя машины.

Справедливо говорится, что, гдѣ нѣтъ порядка, тамъ нельзя быть земледѣлію. У китайцевъ образцовый порядокъ, гораздо лучше нашего. Мы всѣ знаемъ, что каждый человѣкъ долженъ поступать *справедливо* и *по совѣсти*; но не всѣ знаемъ, что такъ поступать и для себя даже — выгоднѣй и лучше, чѣмъ поступать несправедливо и не честно; китайцы большею частью такъ и поступаютъ, и потому главное ихъ занятіе — земледѣліе — у нихъ процвѣтаетъ. Для насъ смѣшно сказать «поступать съ землей справедливо», потому что земля не можетъ чувствовать справедливости. Китайцы думаютъ иначе. Они съ малолѣтства пріучаются воздавать должное не только людямъ, но и животнымъ, пособляющимъ имъ въ работѣ, и землѣ, которую они обрабатываютъ. Въ китайскихъ законахъ говорится: «Воздавай должное растенію, волу и коню. Берегись, чтобы корова не была недовольна тобою, и не будь неблагодаренъ передъ собакой. Земля должна быть засѣянной; оставленная безъ присмотра, она проклинаетъ, оплодотворенная же—воздаетъ сторицею. Человѣку, взрывшему ее вдоль и поперекъ, она скажетъ: да будутъ поля твои обильны всѣмъ, что пригодно въ пищу».

Въ другомъ мѣстѣ законовъ говорится: «Воздѣлывай землю и засѣвай ее. Трудящійся такъ съ чистотою сердца исполняетъ этимъ весь законъ».

Трудятся китайцы изумительно. Даже вечеромъ, въ деревняхъ, передъ домами уставляются ткацкіе станки, зажигаются лампы и работаютъ еще часа два - три. Часто крестьянинъ нацѣпляетъ себѣ фонарь на голову и идетъ въ поле ночью продолжать свою работу. Самый противный для насъ трудъ каждый китаецъ исполняетъ самъ и вполнѣ охотно.

Мать не такъ внимательна къ своему дѣтищу, какъ китаецъ—къ своимъ растеніямъ. Чуть растеніе захирѣетъ, сейчасъ онъ старается, чтобы оно не заглохло, и знаетъ, чѣмъ ему помочь. Вонючее удобреніе китаецъ несетъ весело и охотно, потому что знаетъ, что оно необходимо, чтобъ возвратить здоровье растенію, и потому отвращеніе къ нему пересиливается любовью къ земельному труду.

Также любовно обходятся китайцы и съ животными. Мулы и буйволы *) у китайцевъ кротки и послушны. Китайцы не любятъ убивать животныхъ.

*) Мулъ—родъословъ. Буйволъ—родъ быковъ.

— Всѣ животныя, — говорятъ китайцы, — въ союзѣ съ человѣкомъ: орелъ и ястребъ привѣтствуютъ его на разсвѣтѣ своимъ клекомъ; собака ходитъ за нимъ повсюду; конь при видѣ человѣка ржетъ отъ радости; быки охотно тащутъ плугъ. Всѣ знаютъ, что человѣкъ умѣнъ и работаетъ и для нихъ.

Человѣчность, единодушіе, справедливость — вотъ основанія жизни китайцевъ.

«Нужны только добрые нравы и обычаи, — говоритъ Конфуцій: — остальное все придетъ само собою».

V.

Воздѣлываемыя растенія.

Трудъ считается у китайцевъ даромъ Божіимъ, который Богъ далъ людямъ для блага ихъ. Трудъ и не тягостенъ тому, кто свободно и радостно работаетъ, а для китайскаго крестьянина земледѣліе не безсмысленная, тягостная работа, а любимое дѣло, для котораго надо вниманіе, ловкость и смѣтка.

Китайское земледѣліе — мелкопомѣстное. Боль-

шею частію китаецъ имѣетъ одну десятину и даже меньше; онъ разбиваетъ ее на меньшіе участки и каждый изъ нихъ засѣваетъ и засаживаетъ, ни одинъ аршинъ земли не пропадаетъ у него даромъ.

Если земля его лежитъ внизу, въ долинѣ, то китаецъ разводитъ на ней только *рисъ*, который онъ ѣстъ вмѣсто хлѣба. Рисъ даетъ двѣ жатвы въ годъ. Сначала разсаду рисовую высаживаютъ въ полѣ въ маѣ, жнутъ въ началѣ іюля, потомъ вторая разсада высаживается еще въ іюлѣ, и собирается въ октябрѣ.

Послѣ второй жатвы риса поле вспахивается и дѣлится на четыре равныхъ участка. На одномъ сѣютъ *рѣпу*, на другомъ *бобы*, на третьемъ высаживаютъ капусту, а на четвертомъ сурѣпу. Все сѣется правильными рядами, между которыми дней черезъ 10—12 высѣваютъ обыкновенный или черный *клеверъ*. Всѣ зерна смачиваются навозной жижей и высѣваются только тогда, когда они проростутъ. Клеверъ сначала скашиваютъ на сѣно, а потомъ, когда онъ опять выростетъ, его запахиваютъ вмѣсто удобренія. Изъ ростковъ молодого клевера хозяйки приготовляютъ отличную овощь, которую солятъ и заготовляютъ въ прокъ.

Уходъ за всѣми этими растеніями не труденъ, потому что они высаживаются и созрѣваютъ въ разное время года, такъ какъ зимы въ Китаѣ нѣтъ. Капуста и рѣпа ростутъ долгіе, и послѣ нихъ уже ничего не сѣется, а поля должны освободиться къ началу февраля. Чтобы размягчить землю, пускаютъ на нее воду и, когда она стечетъ, запахиваютъ кдеверъ. Черезъ 2 — 3 дня землю опять пашутъ и высѣваютъ *пшеницу* или *ячмень* и *бобы* или горохъ, которые даютъ пятую жатву.

Передъ посѣвомъ проросшія сѣмена вываливаютъ въ порошкѣ изъ извести и золы для того, чтобы уничтожить зародыши вредныхъ насѣкомыхъ и въ особенности головню.

Послѣ уборки гороха и пшеницы, передъ весенней посадкой риса, на поле пускаютъ воду и два раза вспахиваютъ его.

Гдѣ землю нельзя орошать водою, тамъ сѣютъ *табакъ*, *хлопчатникъ*, *сахарный тростникъ* и др. Хлопчатникъ сѣютъ тоже рядами, и онъ вызрѣваетъ въ 4 мѣсяца, съ мая по сентябрь. Сырьемъ китайцы его не продаютъ, потому что это не выгодно, а обдѣлываютъ его сами въ свободное время и по вечерамъ. Женщины очищаютъ его

отъ сѣмянъ и приготовляютъ пряжу, а мужчины ткутъ.

Сахарный тростникъ требуетъ особаго удобренія; для него обыкновенный навозъ не годится, а нужно удобреніе золой изъ морскихъ травъ. Китайцы не умѣютъ хорошо и выгодно выработать сахаръ, и много тростника пропадаетъ даромъ. Сахарный заводъ китайскій слишкомъ несовершенъ. Онъ состоитъ изъ двухъ жернововъ для раздавливанія тростника. Они поворачиваются буйволомъ. Тутъ же три котла для варки, сгущенія и очистки сока, и печь, отапливаемая соломой. Съ такимъ первобытнымъ заводомъ далеко не уйдешь, и китайцы получаютъ только 12 фунтовъ сахару изъ 6 пудовъ тростника; но сахаръ ихъ зато очень сладокъ.

Разведеніемъ чая Китай извѣстенъ всѣмъ. Чай разводится сначала въ питомникахъ, а потомъ высаживается въ поле кустами. Чайное поле даетъ полный доходъ только на четвертомъ году. Два года съ него ничего не получается, а на восьмомъ году приходится старые кусты замѣнять молодыми.

Чай собираютъ 4 раза въ годъ. Первый сборъ

дѣлается тогда, когда почки начинаютъ зеленѣть. Этотъ чай самый лучшій и называется чаемъ изъ почекъ. Его собираютъ, какъ было уже сказано, не много — не болѣе 15 фунтовъ съ десятины. Второй сборъ самый большой; его собираютъ спустя 20—25 дней послѣ перваго, и десятина даетъ 90—100 пудовъ. Еще черезъ нѣсколько дней собираютъ третій сборъ, пудовъ 40—45 съ десятины. Четвертый сборъ, осенью, даетъ еще 10—15 пудовъ, но этотъ чай хуже и дешевле.

Такъ китаецъ трудится безъ перерыва круглый годъ.

Для нѣкоторыхъ растеній, въ особенности для риса, нужно много воды, которая проводится каналами изъ рѣкъ и озеръ и распредѣляется между земледѣльцами очень правильно. Казалось бы, что вода эта легко можетъ быть отведена и похищена однимъ сосѣдомъ у другого, и, такимъ образомъ, справедливость въ распредѣленіи воды была бы нарушена. Но этого нѣтъ у китайцевъ, что доказываетъ замѣчательную честность этого народа.

Подати въ Китаѣ берутся только съ земли. Если кто не обработаетъ свою пашню, то подати съ него все-таки взыскивается, а если онъ вовсе не рабо-

таетъ на ней нѣсколько лѣтъ, то земля у него отнимается и отдается другому. Но вся жизнь китайца такъ тѣсно связана съ землею, что подобные случаи отыманія земли очень рѣдки.

VI.

Судъ и войско.

Китайцы, разумѣется, не достигли во всемъ совершенства. — Есть у нихъ и правительственный судъ. Онъ налагаетъ даже тяжкія наказанія на виновныхъ. Но зато большая часть проступковъ разбирается не на этомъ судѣ, а на судѣ семейномъ.

Какими законами судитъ семейный судъ? На чемъ онъ основанъ? Почему имѣетъ силу семейный приговоръ, и отчего ему подчиняются?

Законъ для главы семейства — тотъ, который существуетъ въ душѣ каждаго человѣка, а подчиняются приговору потому, что чувствуютъ свою виновность.

Обыкновенный судъ выслушиваетъ дѣло, обсуждаетъ его и постановляетъ приговоръ. Семейный судъ прежде всего объясняетъ и доказываетъ подсудимому, что онъ сдѣлалъ, и почему этого нельзя дѣлать. Виновный убѣждается въ справедливости приговора, и потому нѣтъ надобности употреблять противъ него какое-либо принужденіе. Я видѣлъ осужденныхъ, которые сами поддерживали свои ноги для того, чтобы было удобнѣе заковать ихъ въ кандалы.

Надо принять еще во вниманіе, что семейный судъ прежде, чѣмъ осудить своего члена, прощаетъ ему много разъ разные его проступки.

Въ другихъ странахъ человѣкъ, сдѣлавшій въ первый разъ преступленіе, немедленно изгоняется судебнымъ приговоромъ изъ общества, и очень часто тѣмъ самымъ наталкивается вторично на преступленіе. Въ Китаѣ же этого почти не случается.

Семейный судъ дѣлаетъ то, что виновный самъ раскаивается въ своемъ проступкѣ и исправляется. Своими увѣщаніями и предостереженіями семейный судъ возвращаетъ заблудшаго члена своей семьи на истинный путь,—чего нельзя ожидать отъ европейскихъ судовъ.

О китайскомъ войскѣ говорить много не приходится. Какое же, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть войско въ такой странѣ, гдѣ не на словахъ, а на дѣлѣ люди вѣруютъ въ братство всѣхъ людей, въ то, что людямъ будетъ только тогда хорошо, когда каждый будетъ стараться исправлять самого себя? Китайцы считаютъ войну гадкимъ и преступнымъ дѣломъ и не любятъ даже всего того, что напоминаетъ ее.

Хотя китайцы и не на столько еще совершенны, чтобы принять любовно и гостепріимно иноземцевъ, вторгающихся въ ихъ страну, но зато они никогда не идутъ войною на чужой народъ, и войско у нихъ служитъ только для обороны.

Война и воинское званіе въ Китаѣ не почитаются такъ, какъ у насъ, и военный человѣкъ не есть такой значительный, какъ нашъ. Даже самый бѣдный китаецъ считаетъ для себя послѣднимъ дѣломъ идти въ солдаты,—на столько незавидно кажется ему военное званіе.

Китай не разъ завоевывался разными народами, но все-таки китайцы остались тѣми же китайцами, вѣрными своимъ добрымъ правамъ, и не отда-

вались дурному примѣру побѣдителей. Напротивъ, они подчинили ихъ себѣ тѣмъ, что мало-по-малу окитаивали ихъ.

У китайцевъ есть нѣчто болѣе прочное и сильное, чѣмъ самое многочисленное войско, — нѣчто такое, чего не могутъ сокрушить никакіе завоеватели. Это «нѣчто» есть жизнь китайцевъ, основанная на трудѣ и справедливости, жизнь, которая въ теченіе 20 или 30 вѣковъ постоянно улучшалась тѣмъ, что каждый улучшалъ себя.

VII.

О китайской мудрости.

Изъ того, что разсказано въ этой книжкѣ, читатель увидитъ, что китайцы живутъ по-своему, не по-нашему. Они знаютъ, какъ мы живемъ, и не принимаютъ нашей жизни. Они считаютъ, что ихъ жизнь лучше, и, въ самомъ дѣлѣ, надо по справедливости сказать, что во многомъ и многомъ они живутъ лучше нашего.

Въ чемъ же состоитъ ихъ вѣра, которая побуждаетъ ихъ такъ хорошо жить?

Они вѣрятъ (такъ учитъ ихъ учитель Чу-хи), что люди всѣ произошли отъ Отца Небеснаго, и что потому нѣтъ такого человѣка, чтобы въ сердцѣ его не было заложено любви, добродѣтели, правды, обходительности и мудрости.—Хотя во всѣхъ людяхъ и есть природное добро, только рѣдкіе люди могутъ воспитать и возростить въ себѣ это добро до конца. Зато эти люди, которые по природѣ добрѣе или мудрѣе другихъ, возростивъ въ себѣ свое духовное добро, могутъ служить примѣромъ для другихъ людей. Вотъ эти-то примѣрные люди постоянно тянутся все ближе и ближе къ свѣту, постоянно достигаютъ все большаго и большаго совершенства, и стараются жить такъ, какъ указываетъ имъ ихъ разумѣніе. Такимъ образомъ, они привлекаютъ къ добру и правдѣ другихъ, болѣе слабыхъ людей и содѣйствуютъ возстановленію въ родѣ человѣческомъ первоначальной природной чистоты.

Чтобы читатель могъ, хотя отчасти, судить о глубокой мудрости китайцевъ, мы приведемъ здѣсь нѣсколько мыслей изъ «Книги Великаго ученія» и

«Книги Пути и Истины», написанныхъ китайскими мудрецами. Въ заключеніе всего, мы приведемъ нѣсколько китайскихъ народныхъ пословицъ.

Нѣсколько мыслей изъ «Книги Великаго ученія», написанной китайскимъ мудрецомъ Конфуціемъ.

Великое ученіе, иначе сказать, мудрость жизни состоитъ въ томъ, чтобы раскрыть и поднять то начало разума, которое мы всѣ получили съ неба. Оно должно обновить людей.

Прежде всего надо знать цѣль, къ которой направляться, иначе сказать, свое послѣднее назначеніе, а потомъ уже избрать путь.

Мудрость жизни состоитъ въ томъ, чтобы свое послѣднее назначеніе полагать въ совершенствѣ, иначе сказать: мудрость жизни состоитъ въ стараніи достичь совершенное благо.

Тотъ, кто пошелъ по этому пути, тотъ достигнетъ спокойствія духа и будетъ пользоваться той душевной ясностью, которую ничто не можетъ нарушить. Тотъ, кто достигъ душевной ясности,

которую ничто не можетъ нарушить, тотъ можетъ уже обдумать и обсудить сущность вещей. А обдумавъ и обсудивъ сущность вещей, онъ приблизится къ тому совершенству, къ которому онъ стремится.

Все, что бываетъ въ мірѣ, имѣетъ свою причину и производитъ свое дѣйствіе. Всѣ дѣла людскія имѣютъ свое начало и свои послѣдствія. Познавать причины и дѣйствія, познавать начало и послѣдствія—значитъ приближаться къ тому разумному знанію, черезъ которое достигается совершенство.

Древніе цари—тѣ, которые желали раскрыть и поднять въ своихъ народахъ начало свѣта и разума, которое мы всѣ получили съ неба, прежде всего старались хорошо управлять своими царствами. Тѣ, которые старались хорошо управлять своими царствами, прежде всего желали учредить порядокъ въ своихъ семьяхъ. Тѣ, которые желали учредить порядокъ въ своихъ семьяхъ, старались прежде всего исправить самихъ себя. Тѣ, которые старались исправить самихъ себя, старались прежде

всего установить правду у себя въ сердцѣ. Тѣ, которые старались установить правду у себя въ сердцѣ, старались прежде всего о томъ, чтобы желанія ихъ были чисты. Тѣ, которые желали, чтобы желанія ихъ были чисты, старались прежде всего о томъ, чтобы усовершенствовать свои сужденія о добромъ и зломъ.

Усовершенствованіе сужденій о добромъ и зломъ состоитъ въ томъ, чтобы углубляться и проникать въ начала и причины поступковъ.

Когда углубляешься и проникаешь въ причины поступковъ, тогда сужденія о добромъ и зломъ доходятъ до совершенства. А когда сужденія о добромъ и зломъ доходятъ до совершенства, то и желанія становятся чистыми. А когда желанія чисты, сердце дѣлается правдивымъ. А когда сердце правдиво, то человѣкъ исправляется и становится лучше. А когда человѣкъ становится лучше, то и въ семьѣ учреждается порядокъ. А когда въ семьѣ порядокъ, то и народы хорошо управляются. А когда народы хорошо управляются, то и весь міръ будетъ жить въ мирѣ и согласіи.

От царя и до последняго мужика одна обязанность для всѣхъ: исправлять и улучшать самого себя — иначе сказать — самосовершенствованіе. Это основаніе, на которомъ строится все зданіе улучшенія людей.

Не можетъ того быть, чтобы зданіе было въ порядкѣ, когда основаніе, на которомъ оно стоитъ, въ разстройствѣ.

Пренебрегать главнымъ, коренным, первостепеннымъ и заботиться о томъ, что не важно и второстепенно — этого никогда не надо дѣлать.

Мысли, взятыя изъ «Книги Пути и Истины», написанной китайскимъ мудрецомъ Лаотцы.

Человѣкъ не можетъ словами описать Бога или объяснить, какой Онъ. И потому тотъ Богъ, котораго можно описать словами, не есть Богъ вѣчный. То, что имѣетъ имя, не есть вѣчное.

Богъ, то самое, что нельзя назвать именемъ, и есть начало неба и земли. Оно было прежде неба

и земли. Оно проникаетъ всюду и нигдѣ не задерживается. Оно пребываетъ неизмѣннымъ.

Оно непостижимо для насъ. Намъ, по-людскому, оно представляется, какъ мать міра. Я не знаю его имени. Чтобы назвать его, я употребляю слово Богъ.

Вполнѣ понять Бога человѣкъ не можетъ. Вполнѣ соединиться съ Богомъ возможно было бы только тому, кто не имѣлъ бы страстей. Человѣкъ волнуется страстями и похотями, и потому постигаетъ Бога не вполнѣ.

Тотъ, кто хочетъ приближаться къ Богу и лучше понимать Его, старается о томъ, чтобы не отдаваться похотямъ и соблазну личной жизни.

Такой человѣкъ совершенствуетъ себя и не надѣется на свои совершенства. Онъ старается производить все истинное и ничего не присваиваетъ себѣ. Онъ упражняетъ и совершенствуетъ свои добродѣтели, и не дорожитъ ими. Онъ не гордится своими добродѣтелями, и добродѣтели его не оставляютъ его.

Споры о мудрости своихъ учителей производятъ раздоры въ народѣ.

Большой доходъ съ легкой работы производитъ воровство въ народѣ.

Разсматриваніе предметовъ, возбуждающихъ похоть, производитъ смуты въ народѣ.

Кто хочетъ служить народу, тотъ освобождаетъ свое сердце отъ желанія удовольствій, побѣждаетъ свое своеволіе и укрѣпляетъ свою силу надъ тѣломъ.

Когда деревья родятся, они гибки и нѣжны; когда они сухи и жестки, они умираютъ. Когда дерево стало крѣпко, его срубаютъ.

То же бываетъ и съ человѣкомъ:

Когда человѣкъ родится, онъ гибокъ и слабъ; когда онъ твердъ и крѣпокъ, онъ ближе къ смерти.

Крѣпость и сила — спутники смерти. Гибкость и слабость — спутники жизни. То, что закоснѣло, то не побѣждаетъ. То, что кажется сильнымъ и великимъ, то ничтожно; то, что гибко и слабо, то велико.

Нѣкоторыя китайскія пословицы.

1. Открой книгу, что-нибудь да узнаешь.
2. Сладкія рѣчи—ядъ, горькія—лѣкарство.
3. Чего нельзя сказать, лучше не дѣлать.
4. Настоящій человѣкъ всегда, какъ дитя.
5. Доброта завяжетъ крѣпче насилія.
6. На чужія деньги жить—время коротко, на другихъ работать—время долго.
7. Дегтярная бочка только на деготь.
8. Яйцо все крѣпко, а насидится,—цыпленокъ вылупится.
9. Когда пить захотѣлось, некогда колодца рыть.
10. Богъ не поможетъ, коли самъ упустишь.
11. Кто бьетъ на самое лучшее, добьется хорошаго, а кто бьетъ только на хорошее, тотъ никогда не дойдетъ.
12. Счастье—умному радость, а дураку—горе.
13. Себя попрекай, въ чемъ другихъ попрекаешь, а другихъ прощай, въ чемъ себя прощаешь.

КОНЕЦЪ.

ПРОДАЕТСЯ

въ книжномъ складѣ

„ПОСРЕДНИКЪ“

(С.-Петербургъ, Лиговка, близъ Невскаго, д. № 31)

и

въ книжныхъ магазинахъ

И. Д. СЫТИНА и К°.

въ Москвѣ:

1) у Ильинскихъ воротъ, въ домѣ Медынцевой.
2) на Никольской, д. гр. Орлова-Давыдова.

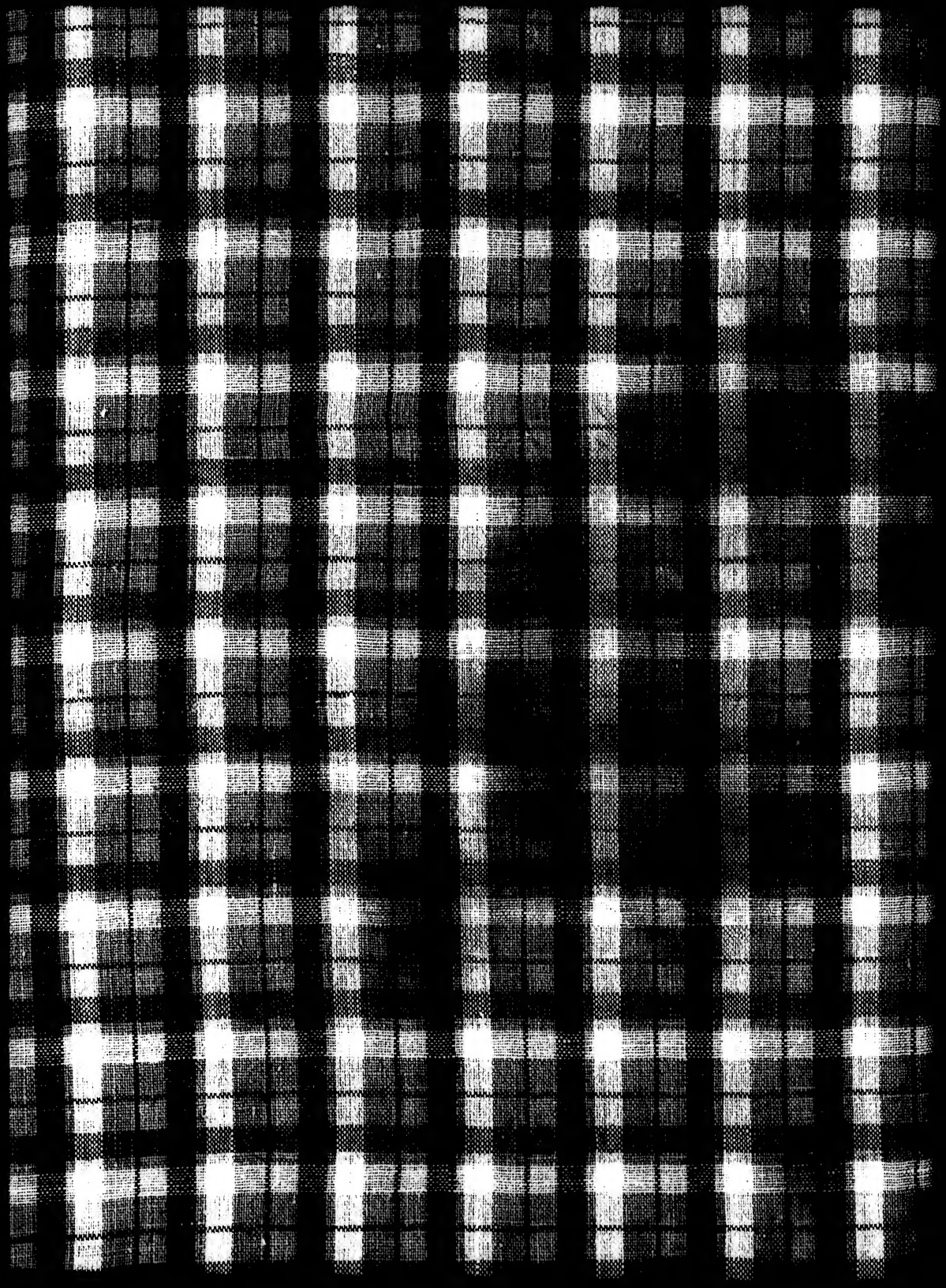
Въ С.-Петербургѣ:

Большая Садовая, № 27.

и

въ Нижегородской ярмаркѣ, на Шессе.

...зв. цена. С.-Петерб. 14 февраля 1889 г. Лит. И. Д. Сытина и К°, въ Москвѣ.

W381.5917N-S153k

W117163